

Сейдахмет Құттықадам

МЕТАФИЗИКА И ЭТОС ПЕРЕВОДА ИНОБЫТИЙНОГО СЛОВА

Выступление на II международном форуме писателей (Алматы, 2019)

Тема переводов весьма сложна, полна противоречивых аллюзий... и актуальна. В каждой стране существуют свои традиции, навыки, школы и особенности переводов.

Обобщая все вопросы, связанные с художественным переводом, можно отметить две его особенности: зыбкая адекватность смыслов и метаморфозы культурной адаптации. По первой части приведу несколько примеров. Начну с афоризма, сказанного одним из сумрачных мыслителей: «Перевод – это преступление». Имеется в виду – по отношению к оригиналу. «Русские переводчики с английского – ослы просвещения», – говорил Владимир Набоков, но эта инвектива касается всех переводчиков с любого языка на любой другой.

Каждое слово живет и дышит в сообществе других слов и в зависимости от контекста обретает различные оттенки, порой едва уловимые. При переводе они нивелируются, искажаются нюансы речей героев, меняется структура текстов, теряется соль произведения, в основном, идиоматическая – юмор, и перелагаемое произведение обретает иные черты. Всем известна история с многоступенчатым переводом сказок «Тысячи и одной ночи» – совместного шедевра индусов, персов и арабов. Когда после множества переводов с одного европейского языка на другой изначально арабоязычная книга вернулась к арабам, они ее не узнали и решили, что это европейское творение. Поэтому если философские притчи Вольтера, переведенные с французского на русский, с русского на казахский, затем вновь перевести с казахского на родной французский, то французы, особенно с учетом уровня большинства наших переводчиков, своего Вольтера не узнают – в нем будет больше черт степного Абая на стыке XIX и XX веков, чем властителя дум Европы XVIII века.

То есть книги, переведенные с других языков на автохтонный, неизбежно обретают определенные местные очертания посредством идиом, лексизмов, синтаксиса и самой стихии этого языка. В общем-то речь здесь идет о прозе, а как гласит известное изречение: «Переводчик прозы – раб, а поэзии – соперник». Если «раб», который только переносит «вещи» с места на место,

доставляет столько проблем в толковании, то мастер-соперник, который по чужим образцам собирает «мебель» из подручного материала, представляет нам нечто сугубо свое.

Выдающаяся актриса и редкая интеллектуалка в своей творческой среде Алла Демидова вспоминала один случай в театре «На Таганке». Труппа играла «Гамлет», и приглашенные из Англии актеры жаловались своим российским коллегам: «Вам-то хорошо, вы играете Пастернака, а нам приходится играть средневекового Шекспира с его полузабытым и уже малопонятным для нас языком».

В советское время немалому числу национальных писателей, и особенно поэтов, пишущих на родных языках, прозрачно намекали, что их произведения, переведенные на русский язык, выглядят лучше оригинала. Но это с точки зрения русских критиков, а национальные читатели, напротив, считали, что эти переводы испортили тексты их любимых авторов.

Сомерсет Моэм – великий английский писатель, которого по непонятной причине обошли с Нобелевской премией (в числе немногочисленного ряда других мастеров), – видимо, берегли для Боба Дилана, – писал: «И оттого, что представителей другой нации знаешь только по наблюдениям со стороны, очень трудно изобразить их убедительно на страницах книги». И это смущение Моэма связано с героями родственной нации, с прототипами которых он близко общался. А достаточно глубоко познать их реальные образы через тексты, особенно переводные, практически невозможно.

То есть этносы (и составляющие их личности) с разными географией, климатом, историей, культурой и играми, разделяемые разным бытом, традициями, привычками и предрассудками, никак нельзя «перевести» на другой язык. Как говорил Иоанн Богослов, Дух везде дышит, как он хочет.

А переводы создают иллюзию почти у всех читателей каждого народа, не увлекающихся дальними путешествиями, что все люди и народы в общем-то похожи друг на друга. Из-за этого люди, большей частью начитанные, нередко едут в дальние и чужие страны, уверенные, что с местным народом они найдут общий язык, а встречая полное непонимание, испытывают шок.

(Таких примеров много, приведу один: мой друг-славянин продал все, что он имел, и переехал к родным «браткам» в солнечную Болгарию, а через три месяца бежал обратно, лишившись всего. Хотя жизнь в Казахстане – явно не мед.)

Но следует ли из этого, что не надо переводить иностранную литературу на свой язык, казахскую на иностранные языки и вообще не стоит тратить время на чтение чьих-то туманных измышлений, особенно чужих?

Все, о чем я говорил, это издержки перевода, и о них надо помнить. Не учитывая все стороны этой проблемы, невозможно ее решить.

Несмотря на все свои недостатки, перевод – это мост к другим культурам, в иной мир, который расширяет горизонты человека и народа и позволяет разным людям и культурам находить трудный, но общий язык, приобщает к мировой цивилизации. Благодаря именно «этому преступлению» шло просвещение «варварских» народов и происходил культурный взаимообмен.

Переводы Библии Иеронима Стридонского, Яна Гуса, Лютера, Якова, Мефодия, Франциска Скорины и остальных, конечно, отклонялись от оригинала, но они все-таки несли в себе божественный Дух. Это касается Корана, других духовных книг и всех переводов. Словом, переводы очень нужны, но они требуют огром-

ного и напряженного интеллектуального труда для достижения аутентичности и близости буквы и духа к оригиналу.

Рассмотрим эту тему применительно к казахскому языку и отчасти к русскоязычным казахским писателям. Мы имеем дело с двумя видами переводов – с иностранных языков на казахский и обратно, и их проблематика отличается. В обоих случаях мы, как правило, имеем «толмача» – русский язык, через который идут переводы в ту и другую стороны. Прямых переводов очень мало.

Большинство примеров, которые я приводил ранее, касаются первого вида, поэтому я только добавлю: нам надо переводить иностранную литературу не с русского языка, а с языка оригинала. Для этого переводчик должен познать духовную природу автора, иметь серьезное представление о мировой литературе (а нам, казахам, необходимо переводить только великие художественные творения и актуальные тексты) и хорошо знать не только свой родной язык, но и язык переводимой книги.

Еще сложнее вопрос с переводом казахской (в том числе и русскоязычно-казахской) литературы на иностранные языки. И о нем подробнее. В общем-то немногие в мире знают о самом Казахстане, где он располагается и что за народ там живет. Поэтому давайте без иллюзий: молодая казахская литература малоизвестна мировому читателю, кроме бывших союзных республик и литературоведов. А между тем, просматривая казахстанскую энциклопедию, в конце биографии большинства наших писателей можно прочесть, что их произведения переведены на многие языки мира. Почти все эти переводы, как правило, сделаны с русского языка небольшими тиражами и в виде аннотаций, и вряд ли они привлекли к себе серьезное внимание.

Но мы не исключение, такова судьба почти всех молодых литератур. Взлет латиноамериканской литературы объясняется тем, что она континентальная и за ней стояла европейская литература, прежде всего испанская.

Государственные мужи (уже и дамы), политики, дипломаты, деятели культуры, иногда и особенно искусные крупные бизнесмены, посещающие нашу благословенную страну, заучивают несколько имен наших писателей, которыми мы гордимся – Абай, Мухтар Ауэзов, Олжас Сулейменов, Абдижамил Нурпеисов, а наибольшие «знатоки» могут добавить еще кого-нибудь двоих, а чтобы подчеркнуть, что и у нас были великие мыслители прошлого, упомянут аль-Фараби.

Можем ли мы заинтересовать иностранных читателей, – все меньше читающих свою и мировую литературу и озабоченных своими бесчисленными проблемами, – нашей литературой? Очень и очень сложно, потому что, скажем откровенно, будущее казахской литературы весьма проблематично. В советское время книги выходили большими тиражами, и писатели получали солидные гонорары, кроме того, служители пера занимали многочисленные синекуры. Платой был соцреализм, которого удавалось избежать очень немногим, и огромный его пласт мало кого сейчас интересует.

В наше же время писатели из привилегированной прослойки превратились в забытое интеллектуальное племя. А строительный камень нашей литературы – казахский язык теряет свою форму, структуру и качество и постепенно выветривается.

Такова реальная картина, и она не внушает оптимизма. Что же делать: перестать переводить и писать? Нет, конечно, но если мы хотим приобщиться к ду-

ховным сокровищам мира и хотим поведать о себе человечеству, нам надо очень много трудиться, напрячь все свои душевные силы и готовиться к долгому и тяжелому пути. И, по-моему, писать надо совсем по-другому. У нас, кочевников, пространственно-эпическое мышление, а у оседлых – временно-лирическое.

Большая часть мира шла к глобальным преобразованиям тысячелетиями, а нас постигло это всего лишь в течение века. Мы можем показать выпукло: как молниеносно быстро менялись тысячелетние традиции, уклад жизни, быт, одежда, еда, образ жизни, и к чему это привело.

Никто в мире, кроме кочевников: каракалпаков, кыргызов и казахов (узбеки и туркмены стали намного раньше и постепеннее переходить к оседлости), не испытал таких катастрофических культурных потрясений. (Судьба Черной Африки – другая тема.) Наш долг – описать это своим, ни что другое не похожим языком, так как никто иной не может передать тех внутренних душевных и духовных переживаний, которые испытали мы. И живописать уникальную культуру, историю и драму евразийских кочевников как трагедию всей человеческой цивилизации в сжатом виде, ведь все человечество начиналось с кочевничества.

С другой стороны, сейчас весь мир превращается в Глобальное Кочевье, как бы завершая вселенский цикл и сводя его начало и конец. Именно мы в силу нашего мышления можем охватывать своим эпическим взором все мировые процессы, все мировое пространство – и описывать его наивным, детско-старым добрым реализмом. Причем мы это можем показать через свою местную оптику. Для этого переводческое дело нужно поставить на серьезную государственную основу. Конечно, советовать легче, чем сделать, но когда проблематика очерчена, вписать ее в писательские и толмаческие формы думаю, легче.

Относительно писательских контактов. Они конечно, нужны. Как говорят суфии: когда тебе рассказывают, как воздействует вино на человека, – это одно, а когда ты сам принимаешь его – это совсем другое ощущение! Живое общение больших художников – это благословенный нектар творчества.

В корне всех нынешних глобальных проблем – экономических, социальных, духовных, экологических и тьмы других лежит то, что Слово сейчас извратили, испоганили, им овладел дьявол. Если мы все хотим спастись, то прежде всего должны бороться за то, чтобы вернуть ему его изначальное положение, когда оно было Богом! Поэтому, я думаю, надо бы провести большую международную конференцию даже не в рамках ЮНЕСКО, а на уровне ООН на примерно такую тему: «О сакральных и спасительных смыслах художественного Слова и его переводов для цивилизации».

Американский ученый Майк Дэвис говорил: «Утопия – это не мечта об Эдеме, а защита нормы от реальности». Литература и есть величайшая Утопия, которая может оградить Человечество от взбесившейся реальности! Поэтому желаю всем пишущим оттачивать свои тексты до совершенства: ведь пока не иссякнет источник животворящего художественного Слова, у человечества остается Надежда.

